

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216

УДК 316.74

Original Paper

Оригинальная статья

Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект (разбор случая)

Р.Х. Ганиева

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева,
г. Магас, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Резюме: В статье на примере конкретного кейса отношений взрослой дочери с отцом дается анализ мультикультурного подхода в психологическом консультировании, при котором учитывается этническая и религиозная специфика клиента. Показана положительная динамика психологической работы, базирующейся на ингушской культуре и ценностях ислама. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что мультикультурная компетентность психолога обеспечивает консультанту, с одной стороны, высокий уровень доверия клиента, а с другой – профессиональный подход, базирующийся на использовании в консультировании этнорелигиозных ресурсов.

Ключевые слова: кросс-культурное консультирование; культурный и духовный контекст клиента; расовая, этническая, религиозная, гендерная идентичность; развод родителей; детско-родительские отношения; ингушская этнография; отношения отца и дочери

Для цитирования: Ганиева Р.Х. Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента. *Minbar. Islamic Studies.* 2020;13(1):196–216 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Ганиева Р.Х.
Мультикультурный подход в психологическом консультировании:
этнорелигиозный аспект (разбор случая)

Multicultural approach in psychological counseling: ethno-religious aspect (analysis of case)

R.H. Ganieva

The Ingush scientific research Institute of the humanitarian sciences after Chakh Ahriev, Magas, the Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Abstract: The article analyzes the multicultural approach in psychological counseling, which takes into account ethnic and religious specifics of the client, using the example of a specific case of an adult daughter's relationship with her father. The positive dynamics of psychological work based on Ingush culture and values of Islam is shown. Based on the analysis, it is concluded that the multicultural competence of the psychologist provides the consultant, on the one hand, a high level of trust on the part of the client, and a professional approach based on the use of ethno-religious resources in counseling on the other.

Keywords: cross-cultural counseling; cultural and spiritual context of the client; racial; ethnic; religious, gender identity, parental divorce, child-parent relations, Ingush Ethnography, father-daughter relations

For citation: Ganieva R.H. Multicultural approach in psychological counseling: ethno-religious aspect (analysis of case). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196–216 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216

Введение

В 80-е годы XX века наряду с такими признанными психологическими школами, как психоанализ, бихевиоризм и гуманистическая психотерапия, стало активно развиваться мультикультурное консультирование. Основной спецификой мультикультурного консультирования и психотерапии является оказание психологической помощи клиенту с учетом особенностей его культуры. В процессе взаимодействия с клиентом терапевт приветствует и одобряет связь клиента с собственной культурой, поддерживает его гордость своей этнической, религиозной и т.д. принадлежностью.

Консультируя в мультикультурном пространстве, психолог должен быть открыт и способен войти в мир своего клиента, только тогда он увидит разницу между своим собственным миром и миром человека, обратившегося

за помощью, и только тогда он будет готов использовать культуру клиента как ресурс при оказании психологической помощи.

Культурно-специфическое консультирование учитывает различные аспекты культуры клиента – религиозную (Chesner S. P., & Baumeister R.F., Keating A.M.& Fretz B.R., Worthington E.L.& Gascoyne S.R., Godwin T.C.& Crouch J.G, Pecnik J.A.& Epperson D.L., Pargament Kenneth I., Kennel Joseph, Hathaway William, Grevengoe Nancy, Newman Jon & Jones Wendy), этническую (Berry J.W.& Kim U., Carter R.T.& Qureshi A., Cornish J.A.E., Schreier B.A., Nadkarni L.I., Metzger L.H.& Rodolfa E.R., Cheung F.K., Snowden L.R., Gans Herbert J., Thompson V.L.S., Bazile A. & Akbar M.), расовую (Abrams L.S., Dornig K.& Curran L., Alvidrez J., Cristancho S., Garces D.M., Peters K.E.& Mueller B.).

Анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что проявляемый психологами интерес к этническому, религиозному, гендерному, социальному факторам при консультировании связан с именем Карла Роджерса, автором клиентцентрированной терапии, который был уверен, что этнические ценности и религиозные убеждения, гендерные конструкты, социальные модели клиента являются прежде всего источниками его внутреннего ресурса [1].

Анализ исследований, фиксирующих семейную, этнокультурную, социальную и религиозную включенность терапевта в процесс взаимодействия с реципиентом, позволяет выделить различные контексты жизнедеятельности человека, в которых имеют место дискриминационные действия, и в первую очередь, оценочный подход к существующим в других культурах способам оказания специализированной психологической помощи. Г. Читем и А. Айви пишут: «Если вы не начнете свое первое интервью с того, чтобы получить знание у клиента, ваша «культурно-осознанная» помощь может оказаться более притесняющей, чем если бы вы совсем ничего не знали о культурных различиях» [2, р. 140]. С. Сью отмечает в своих работах наличие большого числа культурных стереотипов в обществе, которые отражаются и в работах психологов [3, 4].

Оказание психологической помощи инокультурному клиенту осуществляется в такой ситуации, когда культурные установки и ценности клиента могут сильно отличаться от диспозиций консультанта. И здесь для эффективной

работы необходимы межкультурная компетентность психолога, рефлексия своих собственных установок и ожиданий в отношении инокультурных различий, использование методов и приемов, которые сообразны жизненному опыту, этнокультурным ценностям, религиозными убеждениями, а также гендерным установкам клиента. «Терапевт должен понимать значение травмы, степень страдания и боли, специфичные для той этнической группы, к которой принадлежит его клиент, и творчески подойти к организации терапии на основании этого знания», – отмечает Э. Парсон [цит. по 5, с. 383-385].

В работах, рассматривающих роль и значение расовой, культурной и религиозной компетентности терапевта, чаще всего говорится о духовных системах культуры человека. «Человеческому существу, чтобы жить, необходимы система координат, философия жизни, религия, причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» [6, с. 250]. Так, Г.У. Солдатова отмечает, что специалисты помогающих профессий обязательно должны включать в формат терапевтического взаимодействия духовный аспект, поскольку духовность является мощным ресурсом роста и развития личности [7]. Логотерапевт И. Ван Пельт указывает на религиозную и духовную осознанность как на источник личностного, семейного и социального благополучия [2]. Она уверена в том, что при организации и проведении сессии духовный фактор должен быть рассмотрен как ключевая часть человеческого существа.

Значимость регионального и ментального компонента при консультировании и терапии подчеркивали Дж. Карим и Р. Литлвуд [8]. В ряде европейских стран, в частности в Великобритании, доминирующими являются расовые проблемы, в связи с тем, что местные специалисты считают, что терапевтические услуги не подходят для этнических меньшинств в силу недостаточного вербального репертуара этих клиентов, степени их рефлексии собственных проблем так, как предполагает классическая психологическая модель [8]. Афроамериканская община преимущественно состоит из рабочего класса, в которой распространена бедность и дискриминация. А дорогая и долгосрочная терапия адресована богатым и «капризным» клиентам. В кварталах, где проживают этнические меньшинства, нет специалистов сферы здравоохранения с высоким рейтингом. «Если тебе случилось быть чер-

ным, ты должен быть относительно более богатым по сравнению со своими белыми коллегами, чтобы достичь определенного уровня жизни. Среди черного этнического меньшинства также практически отсутствуют специалисты в области здравоохранения высокого уровня. Психиатры подчеркивают, что «азиаты не интересуются психиатрией»: врачи из их среды предпочитают физические методы лечения или, другими словами, радикальные методы психиатрии; пациенты же более вероятно манифестируют «истерические» или «соматические» симптомы, не «истинные» психологические проблемы» [8, с.6].

С точки зрения Дж. Карима [9], при осуществлении профессиональной психологической работы необходимо брать во внимание целостное бытие клиента – не только индивидуальные особенности и диспозиции, но и его прошлый и настоящий опыт жизни в сообществе. В зарубежной психологии принято считать, что терапевтическая работа без учета расовых, этнических, национально-культурных, гендерных и ментальных особенностей может привести к нарушению целостности клиента. Анализируя культурно-специфический подход в работе психолога, П. Кашман подчеркивает, что представления о собственном «Я» носят локальный характер. Он отмечает, что психологи должны опираться на локальное «Я» и обращаться к культурному, семейному, этническому наследию клиента, национально-эстетическим идеалам и преобладающему социальному окружению [10].

В постсоветской России культурно-ориентированный подход к консультированию в последние десятилетия обсуждается (в частности, он обосновывается в работах Х. и Н. Пезешкиана), но с нашей точки зрения – недостаточно. Религиозно-ориентированный подход в православной парадигме реализуется в работах Братуся Б.С., Василюка Ф.Е., Слободчикова В.И.; учет этнорелигиозной специфики в консультировании положен в основу работы Ассоциации психологической помощи мусульманам, созданной в 2017 году в России, и реализуется в ее практических и теоретических разработках [11, 12, 13, 14, 15].

Таким образом, мультикультурный подход достаточно активно развивается в России и мире, однако в отечественной литературе пока недостаточ-

но описаны основные принципы и подходы психологической работы с представителями различных этнорелигиозных групп.

В связи с этим анализ конкретного кейса – примера работы психолога в Республике Ингушетия – представляется нам весьма актуальным.

Случай из практики

К психологу в психологический центр Республики Ингушетия обратилась ингушская 17-летняя девушка по имени Дали, учащаяся 11 класса. Психолог-консультант начала свою работу с клинической беседы и диагностики, в ходе которой обнаружилось, что у Дали есть обида на маму за то, что она не одобряла ее общения с отцом. Когда Дали исполнилось 7 лет, мама ушла вместе с ней от супруга. В настоящее время отцу Дали 64 года, он всю жизнь страдал от алкоголизма, у него сахарный диабет. Мужчина не женился после развода, проживает с сестрой и братом.

Два года назад девушка начала общаться с отцом. «Когда я езжу к папиным родственникам, мамина родня недовольна. Они ругают маму за то, что я так сильно привязалась к ним, – говорит Дали. – Мне хорошо с ними. Я не хочу, чтобы их называли чужими людьми и ограничивали меня в общении. В детстве сверстники меня упрекали за то, что у меня нет отца. Я всю жизнь мечтала о брате, а один из папиных племянников мне как старший брат.

Папу мне очень жалко. Я хочу обнять его и сказать: «Я тебя долго ждала, почему тебя не было?». У меня есть видео, где я сижу у папы на коленях. Я каждый раз смотрю его и плачу. Мне всегда очень сильно не хватало отцовской любви. Все старались компенсировать это: мамыны братья, дедушка, другие родственники, – но это не то, отцовская любовь – это что-то другое».

В ходе беседы выяснилось, что Дали хочет стать наркологом, чтобы помочь своему отцу избавиться от алкогольной зависимости. Девочка на одной из сессий призналась, что много раз в минуты отчаяния ей приходила мысль свести счеты с жизнью.

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Дали нарушенные взаимоотношения с матерью и ее родственниками (бабушкой по линии матери и сестрами матери), перфекционизм в отношении учебы, страх перед экзаменами (ЕГЭ), боязнь не оправдать надежды матери, потребность в эмоциональной поддержке отца и двоюродного брата.

На консультацию к психологу была приглашена мать Дали. В ходе работы с ней выяснилось, что у нее сложные взаимоотношения со своими родственниками, которые упрекали ее в том, что все ее усилия по воспитанию дочери окажутся напрасными, осуждали за демократические принципы воспитания дочери и пророчили жалкое и одинокое существование на склоне лет якобы в связи с уходом единственной дочери (которой она посвятила жизнь) к отцу. Диагностика выявила у матери Дали перфекционизм, обиду на мужа, страх потерять дочь, повышенную тревожность.

Общий психологический подход к консультированию связан с осознанием роли отца в судьбе дочери. Этой теме посвящено большое число психологических работ, в которых подчеркивается значение отношений дочери с отцом и их влияние на психологическое благополучие. «...Самое важное моральное и юридическое правило относительно психологического положения отцовства в том, что ни один ребенок не должен приходиться в этот мир без мужчины, принимающего на себя социальную роль отца, воспитателя и защитника, мужчины-посредника между ребенком и окружающим миром. Это сводится к универсальному социальному закону, именуемому принципом законнорожденности, и неизменным остается правило: для полноты социального статуса ребенку необходим отец, точно так же, как и мать» [16, с. 14].

Очевидно, что развод родителей является для ребенка любого возраста травмой. И сколько бы ни прошло лет, люди считают это событие одним из худших воспоминаний детства. Последствия безотцовщины в наше время достигли масштабов эпидемии, а многие психологические кризисы у детей и подростков напрямую связаны с отсутствием отца.

Дочери, выросшие без отца, рано начинают интересоваться мужчинами старшего возраста. Зачастую им кажется, что эти люди смогут найти выход из любой сложной ситуации. Такая встреча – подмена смыслов. Отец, которого девушка не видела, может явиться в мужчине и стать не только партнером, но и заменить долго отсутствовавшего родителя. К тому же для дочери, не имеющей представления о полноценной семье, такие отношения могут привести к непредсказуемой развязке.

О детской травме, полученной дочерью в отношениях с отцом, писала юнгианский психоаналитик Л. Ш. Леонард, предлагая методы работы с такой

травмой, поскольку именно от отцовско-дочерних отношений зависят благополучие женщины, ее социальная успешность, личностный и профессиональный рост, проявления ее сексуальности, формирование позитивных отношений с мужчинами. «... Женщине, имеющей эмоциональную травму, очень важно осознать невыполненное обещание своего отца и то, как отсутствие отношений с отцом повлияло на ее жизнь. Дочери необходимо восстановить утраченные отношения с отцом, чтобы создать у себя внутри его положительный образ, который поможет ей ощутить силу и ориентацию в жизни, признать позитивную сторону маскулинности во внешнем и внутреннем мире и воздать ей должное» [17, с. 18]. Когда отношения с отцом были нарушены, то женщине необходимо осознать, понять и принять свою травму. Только вслед за этим наступит исцеление травмы.

По мнению Л.Ш. Леонард, родительско-дочерняя травма является ключевой проблемой для большинства современных женщин. Вытеснение травмы происходит путем осуждения отца, а также и всех остальных мужчин. Однако отсутствие большой внутренней работы предполагает отсутствие ответственности у женщины за изменение своего жизненного сценария, во-первых, посредством осуждения мужчин, во-вторых, приспособлением к ним. Самая главная задача современной женщины, как отмечает автор, заключается в познании себя, которое может привести женщину к диалогу со своей собственной историей, с разными составляющими своего индивидуального, культурного и духовного развития. Она выделяет целый ряд важнейших контекстов, связанных с ролью отца:

- Отец является первой маскулинной фигурой в жизни дочери. Оговоримся, что в коллективистических культурах маскулинные фигуры – это также многочисленные родственники мужского пола, принимающие участие в жизни девочки. Однако роль отца действительно неоспорима.

- Через отца у девочки формируется восприятие иной гендерной идентичности, а в конечном счете, и собственной феминности.

- Модели «авторитета, ответственности, умения принимать решения, объективности, порядка и дисциплины» [17, с. 30] создает для девочки отец.

Во взрослой жизни дети пытаются избавиться от проблем, связанных с отсутствием отца. В связи с этим они часто подчеркивают интеллектуальную

и эмоциональную незрелость других, их ущербность, акцентируют деструктивные черты своего супруга, а также коллег, педагогов, друзей. По мнению Дж. Шаллера, компенсация проблем в отношениях с отцом имеет серьезные последствия в будущем, среди которых могут быть асоциальное и аддиктивное поведение. «Пустоту можно пытаться заполнить изнурительными физическими упражнениями или порочными сексуальными практиками. Люди безжалостно разрушают самих себя, потому что им кажется, что так можно добиться ощущения собственной ценности, самоуважения, то есть того, чего их отцы так им и не дали» [18, с. 15].

Нередко человек во взрослом возрасте не в состоянии понять, что часть его психологических проблем связана с взаимоотношениями с отцом. При этом неприятные воспоминания вытесняются, если они были слишком травматичными.

О.С. Прилепских пишет, что «позитивные взаимоотношения с отцом формируют стратегию поиска будущего супруга, относящегося к типу отца. Сходную стратегию выбора будущего супруга обнаруживают девушки, которые позитивно оценивают директивные формы поведения отца (уверенность в себе, коррекция и контроль за соблюдением девушками социальных норм и традиций семьи)» [16, с. 7]. Если в процессе общения и взаимодействия с отцом преобладают дистанция и автономность (эмоциональная невключенность отца в проблемы семьи и детей, бесстрастность, игнорирование потребностей и запросов родных и близких, отсутствие теплоты и открытости отношений между отцом и дочерью и др.), то девушки предпочитают стратегию избегания мужчин по типу отца [16].

Детские проблемы могут быть связаны с невозможностью обратиться к отцу, путь к которому лежит через мать, через их отношения [19, с. 83]. Именно поэтому в случае развода плохие отношения отца и матери непосредственно влияют на восприятие ребенком родителей и формирование детско-родительских отношений.

Английские ученые сформулировали такое определение феномена отцовства: «Роль отца сложна и охватывает множество важных ролей, таких как опекун, работник, кормилец, домашний менеджер и т. д. На каждую из этих ролей влияют общественные и культурные ожидания, и в конечном итоге они

проявляются в представлении отца о себе в этой роли. Отец должен также адаптировать и точно настроить эту концепцию на конкретные потребности и личность каждого ребенка» [20, с. 56]. Культурная специфика детско-родительских отношений связана с тем, что в коллективистических культурах в расширенной семье эти роли раньше распределялись между различными родственниками. Так, чеченский этнограф З. И. Хасбулатова отмечает, что основным залогом успешного воспитания в традиционной чеченской культуре была большая неразделенная семья. «В такой семье существовали разные стили и методы воспитания. Одни воспитывали преимущественно словом, увещанием (бабушки, дедушки), другие – примером (родители), третьи, прибегая к жестким мерам (дяди), четвертые – к методам принуждения и т.п.» [21, с. 114]. Однако в настоящее время в условиях распространённости нуклеарных семей все эти роли концентрируются в родителях.

Отсутствие в семье отца нарушает здоровую дистанцию между матерью и ребенком, и дети неосознанно испытывают сильнейшую эмоциональную привязанность к матери. Образно это описывает Дж. Шаллер: «Представьте себе треугольник, сделанный из веревки. Родители – два угла, а третий угол – ребенок. Что получится, если взять и потянуть за угол, изображающий отца? Углы, изображающие мать и ребенка, окажутся притянуты друг к другу» [18, с. 19]. Следствием этого становится смещение ролей, нарушение процесса формирования личности ребенка, его сепарации и самодостаточности; сын становится так называемым «эмоциональным супругом» матери.

Но роль и значение отца обретает особые смыслы в каждой конкретной этнической и религиозной культуре. Обратимся к анализу культурно-специфических аспектов, которые были задействованы в ходе консультирования Дали и ее матери.

Консультирование в культурном контексте клиента

В ходе клинической беседы и диагностики проявилась достаточно высокая религиозность Дали. Девушка пришла на консультацию, одетая в соответствии с требованиями религии (в хиджабе), говорила о значении ислама в ее жизни. В частности, она рассказала, что не хочет ехать учиться в центральные города России, так как считает, что в учебном заведении за преде-

лами Республики Ингушетия ей не разрешат соблюдать религиозные нормы в одежде.

Однако консультант обратила внимание, что при обсуждении роли и значения отца в жизни Дали она часто обращалась к традиционной роли отца в ингушской культуре.

Поэтому психологическая работа проходила с использованием этнокультурного контекста. Как известно, статус отца на Кавказе, в том числе в Ингушетии, чрезвычайно высок. Отец на Кавказе – это человек, принимающий ключевые решения в жизни ребенка, решения о судьбе детей, их профессии, трудоустройстве, создании семьи. И если он не принимает участия в решении вышеперечисленных вопросов, то его поведение относится к социально неодобряемому, порицается обществом, а общественное мнение – важнейший регулятор поведения в коллективистической культуре.

Согласно ингушским этнографическим материалам, женщина всегда остается носителем репутации и истории той семьи, в которой она родилась и воспитывалась. Ингушская женщина никогда не теряет принадлежности к отцовскому роду. «Она – представительница отцовского рода в доме своего мужа», – пишет Муса Яндиев в своей монографии «Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа» [22, с. 23]. Ее всегда считают дочерью и сестрой рода (йоI-йиша – инг.). Как и у многих других народов Северного Кавказа, у ингушей продолжение рода идет по отцовской линии. На церемонии сватовства дочери решающее слово всегда остается за отцом, т.е. только он дает благословение на брак, даже если супруги, родители дочери, разведены. И только после его окончательного согласия начинается подготовка к свадьбе, хотя «сторону невесты» от имени отца «могли представлять... кто-нибудь из уважаемых родственников или других доверенных лиц» [23, с. 27]. В ингушском обществе девушка в основном выходит замуж из отцовского дома, даже если ее родители разведены и она проживала с матерью. Это связано с тем, что, во-первых, она представитель рода отца и не может выходить замуж из чужого дома. Во-вторых, от этого зависит статус невесты перед новыми родственниками.

Во время сватовства дочери особым проявлением заботы со стороны отца было знакомство с историей жизни семьи жениха. Бывали случаи, ког-

да дочь влюблена, но родители не отдавали ее замуж, потому что из своего опыта знали, что ее жизнь в этом доме не сложится, а если дочь и останется там, то ей придется жить в непростых условиях. Родители запрещали не для того, чтобы ограничить ее в правах, а потому что проявляли заботу о своем ребенке.

Во все времена для ингушей рождение дочери было не менее значимым событием, чем рождение сына, потому что в ингушском обществе считалось, что дочь – генофонд нации, а сын – защитник семьи, защитник рода, родины и Отечества. Отец очень любит своих дочерей, хотя никогда при людях не демонстрирует свою любовь. Только в отсутствии посторонних он проявляет свои чувства. Не принято повышать голоса на дочь, необходимо вести себя очень корректно и сдержанно. Посредником между отцом и дочерью всегда была мать. В народе говорят: «Есть вещи, которые жене можно сказать, а дочери нет». Отцовские наставления дочь получает через мать.

Высшей степенью проявления отцовской любви к дочери является одобрительный взгляд, интонация. Лучшим родительским комплиментом для нее являются такие слова отца: «Я доволен тобой!» («Со раьза ва хьона!» - инг.).

При возникновении конфликтных ситуаций в семье мужа отец или брат девушки выступают в качестве защитника своей дочери. Это отражается в ингушских пословицах: «Да воацача йи1ий дог ма дохаде» (инг.) – «Не огорчай девушку, не имеющую отца». «Воша воаца йиша - ткьам боаца лаьча» (инг.) – «Девушка без брата – сокол без крыла». «Воша воаца йиша г1ийла яьг1ай» – «Печальна участь девушки, не имеющей брата». Подобных этим пословиц у ингушей много.

С психологической точки зрения интересно и такое ингушское выражение: Да – «дунен сердал», нана – «дунен й1овхал» (инг.) – «Отец – свет мира, мать – тепло мира».

Детские проблемы очень ярко отражают проблемы семьи. В ходе работы выяснилось, что мать Дали не хочет признавать, что исчерпаны супружеские отношения, а детско-родительские (в данном случае отца и дочери) – продолжают до тех пор, пока кто-то из них не покинет этот мир. В связи с этим мы выполнили с ней психодраматическую технику «пустого стула»,

которая используется в гештальт-терапии. Мать сыграла и роль дочери, и роль экс-супруга, и, естественно, свою материнскую роль, и в результате этой работы пришла к выводу, что для полноценной жизни Дали нужен диалог с отцом.

Следует отметить и тот факт, что у матери Дали, как и у многих представительниц традиционного общества, слишком высока зависимость от мнения окружающих. Будучи в браке, она боялась, что кто-то узнает и осудит ее за неудачный выбор. На сессии она призналась: «Я считала, что моя жизнь должна быть такой же белой и стерильной, как мой белый медицинский халат!». В профессиональном сообществе она – лучшая из лучших, а в жизни – неуверенная в себе («Я всегда хотела спрятаться от людей!»).

Увеличивая дистанцию между отцом и дочерью, мать полагает, что пытается обеспечить максимальную защиту и безопасность для своей дочери. Но человек может быть счастлив только тогда, когда он полностью принимает внутри себя свою мать и своего отца: «Ты – моя мать, и я принимаю тебя такой», «Ты – мой отец, и я принимаю тебя таким». Он принимает не что-то от своих родителей, а принимает своих родителей со всем тем, что к ним относится [19, с.83].

Мать Дали на протяжении всей сессии испытывала чувство вины, она объясняла недостатки мужа своими неудачными поступками и во многом обвиняла себя: «Я предлагала ему жениться. Я готова была их обеспечивать. Я отказывала ему в интимной близости, не считалась с его желаниями и потребностями». В ходе психологической работы наступило время постепенно переформулировать единственный для матери и приоритетный смысл жизни ради дочери. И эта работа не была для нее деструктивной и противоречащей материнской роли, а стала прогрессивным шагом на пути к новым интересам и целям.

Консультирование в духовном контексте клиента

Терапевтические взаимоотношения с верующим клиентом не могут быть полными и полноценными без использования духовных ресурсов клиента. В ходе работы мы активно подключаем ресурс религиозной веры.

Согласно исламу, дочь открывает дверь в Рай для своего отца. Пророку Мухаммаду (мир ему) принадлежат следующие слова: «Когда на свет появ-

ляется девочка, Всевышний Аллах посылает туда ангелов, и они приветствуют «Мир вам, обитатели этого дома!» Затем ангелы покрывают родившуюся девочку своими крыльями, поглаживают головку и говорят: «Как она слаба и беспомощна и вышла из слабого тела. Если отец будет растить ее, то до Судного Дня ему будет помощь от Аллаха»¹.

Детско-родительские отношения в контексте ислама ориентируют детей на покорность и послушание родителям. Мусульмане верят, что и молитвы, и проклятия родителей в отношении своих детей принимаются Всевышним. Поэтому дети воспринимают проявление покорности и уважения к родителям как часть проявления покорности, уважения и возвеличивания Аллаха. Они верят, что достичь довольства Аллаха и обрести Рай возможно, лишь достигнув довольства родителей. «Когда Фатима приходила к Правителю миров, Посланник Аллаха (мир ему) встречал ее, стоя и уступал ей свою подушку, на которой сидел. Когда же Посланник Аллаха шел к Фатиме, она встречала его стоя, с уважением целовала ему руки и сажала его на свое место» (ат-Тирмизи)².

Плохое отношение к отцу или матери относится к числу больших грехов. В Коране сказано: «Мы заповедали человеку (быть добрым) к его родителям...» (31:14) [24, с. 1115].

Согласно исламу, даже допуская ошибки, родители не теряют родительские права и полномочия. Уважать их, служить им, обеспечивать их нравственные и материальные потребности, воздерживаться от малейших поступков, способных ранить их, является обязанностью ребенка с точки зрения ислама. Если в некоторых вопросах родители займут ошибочную позицию, дети хотя бы внешне должны демонстрировать свое согласие с ними, но действовать надо правильно.

Пророк Мухаммад (мир ему) очень любил свою внучку по имени Умма. Он часто гулял с ней на руках и молился вместе с ней. Когда он преклонялся перед Аллахом, располагал ее рядом с собой, а когда заканчивал молиться, брал на руки и сажал на шею. Пророк (мир ему) демонстрировал

¹ Сайда Хайат. 20 хадисов о том, как прекрасно быть женщиной. [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/zhenshhina_v_islame/20-hadisov-o-tom-kak-prekrasno-byt-zensinoj/ (дата обращения: 15.09.2018).

² А. Хайдаров. Отцы и дочери в исламе. [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/zhenshhina_v_islame/otcy_i_docheri_v_islame/ (дата обращения: 15.09.2018).

свою любовь к Умаме, чтобы научить своих последователей мягко и нежно относиться к дочерям.

Таким образом, забота взрослой дочери о больном отце, общение с ним относится к числу одобряемых религией деяний. Осознание этого позволило Дали и ее матери избежать сомнений в необходимости установления прочного контакта между отцом и дочерью и стало ресурсом для развития отношений дочери и отца.

Заключение

На примере разбора конкретного кейса из практики психологического консультирования в Республике Ингушетия мы продемонстрировали положительную динамику психологической работы, базирующейся на ингушской культуре и ценностях ислама. В психологическом консультировании имеет огромное значение учет этнической и религиозной специфики клиента. Плодотворная психотерапевтическая работа специалиста опирается на этнокультурные и религиозные ресурсы клиента и не противоречит им: «никакая психология не может быть полезна для мусульман, в которой не принимается ислам в качестве мировоззрения» [25, с. 16]. Психотерапевт, ориентированный на результативность, осуществляет свою профессиональную психологическую деятельность в культурном и духовном контексте клиента.

Таким образом, мультикультурная компетентность психолога обеспечивает консультанту, с одной стороны, высокий уровень доверия со стороны клиента, а с другой – профессиональный подход, базирующийся на этнических ценностях, религиозных убеждениях, социальных конструктах и гендерных особенностях. И этот подход, безусловно, требует своего дальнейшего изучения и развития.

Литература

1. Роджерс К. *Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической психологии*. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2006. 512 с.

2. Ivey A.E., Bradford-Ivey M., Simek-Morgan L., Cheatham H.E., Pedersen P.B., Rigazio-DiGilio S.A., Sue D.W. *Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective*. Needham Heights, Massachusetts: Allyn&Bacon; 1997. 423 p.

3. Sue S. Psychotherapeutic services for ethnic minorities: Two decades of research findings. *American Psychologist*. 1988;43(4):301–308. DOI: 10.1037/0003-066X.43.4.301
4. Locke D. A not so provincial view of multicultural counseling. *Counselor Education and Supervision*. 1990;9:18-25. DOI: 10.1002/j.1556-6978.1990.tb01175.x
5. Тарабрина Н.В., Щапова М.Ю. Посттравматическое стрессовое расстройство: опыт зарубежных этнопсихологических исследований. *Психологическое обозрение*. 1998;2:72-80.
6. Маслоу А. *Психология бытия*. Пер. О. Чистякова. М.: «Рефл-бук» – К.: «Ваклер»; 1997. 140 с.
7. *Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности*. В: Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл; 2002. 479 с.
8. Littlewood R. Towards an intercultural therapy. In: Ed. bu J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications; 1992, P. 3-13.
9. Kareem J. The Nafsiyat Intercultural Therapy Centre: Ideas and Experience in Intercultural Therapy. In: J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publicifctions; 1992, P. 14-37.
10. Cushman P. Why the self is empty: Toward a historically situated psychology. *American Psychologist*. 1990;45(5):599-611.
11. Забелин С.В., Забелина Е.Н. Специфика работы психолога с клиентами иной этнической и религиозной идентичности: американский опыт. *Ислам: личность и общество*. 2019;4:9-20.
12. Замалетдинова Ю.З. Портрет психолога, исповедующего ислам, глазами специалиста и клиента: парадигма, методология, методы, техники, инструменты работы. *Ислам: личность и общество*. 2019;4:21-30.
13. Павлова О.С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников. *Современная зарубежная психология*. 2018;7(4):46–55. DOI: 10.17759/jmfp.2018070406
14. Бадри М. *Размышление. Исследование психики и души человека*. Баку: CDS; 2008. 136 с.

15. Павлова О.С. Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):207-222. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222

16. Прилепских О.С. *Образ отца как детерминанта развития представлений о будущем супруге у девушек: автореферат дис. ... кандидата психологических наук*. Ставрополь, 2005. 23 с.

17. Леонард Л. Ш. *Эмоциональная женская травма: исцеление детской травмы, полученной дочерью в отношениях с отцом*. Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Класс; 2009. 214 с.

18. Шаллер Дж. *Потеря и обретение отца*. Пер с англ. СПб.: Мирт; 1998. 216 с.

19. Хеллинггер Б. *Долгий путь. Беседы о судьбе, примирении и счастье*. М.: Институт консультирования и системных решений; 2009. 360 с.

20. Калина И.А. Отцовство как психологический феномен. *Обзор современной зарубежной литературы. Современная зарубежная психология* 2019;8(4):49–56.

21. Хасбулатова З.И. *Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.)*. М.: Академия; 2007. 389 с.

22. Яндиев М.А. *Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа*. М.: Издательство ЛКИ; 2008. 496 с.

23. Харсиев Б.М.-Г. *Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века (монография)*. Магас: ООО «Пилигрим»; 2015. 140 с.

24. *Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями*. /В: гл. ред. Д. Мухетдинов. М.: ИД «Медина»; 2015. 1888 с.

25. Бадри М. *Теория и практика исламской психологии*. В: Под ред. О.С. Павловой, В.С. Полосина. М.: Аль-Васатья — умеренность; 2018. 268 с.

References

1. Rogers C. *Konsultirovanie i psihoterapiya. Noveyshie podhody v oblasti prakticheskoy psihologii*. [Counseling and psychotherapy. The latest approaches in the field of practical psychology]. Moscow: Institute of General humanitarian research; 2006. 512 p. (In Russian)

2. Ivey A.E., Bradford-Ivey M., Simek-Morgan L., Cheatham H.E., Pedersen P.B., Rigazio-DiGilio S.A., Sue D.W. Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective. Needham Heights, Massachusetts: Allyn&Bacon press; 1997. 423 p.

3. Sue S. Psychotherapeutic services for ethnic minorities: Two decades of research findings. *American Psychologist*. 1988;43(4):301–308.

4. Locke D. A not so provincial view of multicultural counseling. *Counselor Education and Supervision*. 1990;9:18-25.

5. Tarabrina N.V., Shchapova M.Yu. Posttraumatic stressor rasstroystvo: opyt zarubezhnyh etnopsihologicheskikh issledovaniy. [Posttraumatic stress disorder: experience of foreign ethno-psychological research]. *Psichologicheskoe obozrenie* [Psychological review]; 1998;2:72-80. (In Russian)

6. Maslow A. *Psihologiya bytiya*. [Psychology of being]. Translated by O. Chistyakova. Moscow: “Refl-Buk” - K.: “Wakler”; 1997. 140 p. (In Russian)

7. *Psichologicheskaya pomoshch migrantam: travma, smena kultury, krizis identichnosti*. [Psychological assistance to migrants: trauma, change of culture, a crisis of identity]. In: Edited by G. U. Soldatova. Moscow: Smysl press; 2002. 479 p. (In Russian)

8. Littlewood R. Towards an intercultural therapy. In: Ed. by J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications press; 1992, P. 3-13.

9. Kareem J. The Nafsiyat Intercultural Therapy Centre: Ideas and Experience in Intercultural Therapy. In: Ed. by J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications press; 1992, P. 14-37.

10. Cushman P. Why the self is empty: Toward a historically situated psychology. *American Psychologist*; 1990;45(5):599-611.

11. Zabelin S.V., Zabelina E.N. Spetsifika raboty psihologa s klientami inoy etnicheskoy i religioznoy identichnosti: amerikanskiy opyt [Specifics of the psychologist’s work with clients of a different ethnic and religious identity: the American experience]. *Islam: lichnost i obshchestvo*. [Islam: an individual and society]; 2019;4:9-20. (In Russian)

12. Zamaletdinova Y. Z. Portret psihologa ispoveduyushchevo islam, glazami spetsialista i klienta: paradigma, metodologiya, metody, tehniki, instrumenty raboty

[A portrait of a psychologist professing Islam through the eyes of a specialist and a client: paradigm, methodology, methods, techniques and tools]. *Islam: lichnost I obshchestvo* [Islam: an individual and society]; 2019;4:21-30. (In Russian)

13. Pavlova O.S. Psihologicheskoe konsultirovanie musulman: analiz zarubezhnyh istochnikov [Psychological counseling of Muslims: analysis of foreign sources]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology]; 2018;7(4):46-55. (In Russian)

14. Badri M. *Razmyshlenie. Issledovanie psihiki I dushi* [The Reflection. Research of the human psyche and soul]. Baku: CDS publ.; 2008. 136 p. (In Russian)

15. Pavlova O.S. Psihologiya religii v islamskoy paradigme: sostoyanie I perspektivy razvitiya [Psychology of religion in the Islamic paradigm: the state and prospects of development]. *Islam v sovremennoy mire* [Islam in the modern world]; 2015;11(4):207-222. (In Russian)

16. Prilepskikh O. S. *Obraz ottsa kak determinanta razvitiya predstavleniy o budushchem supruge u devushek* [The Image of the father as a determinant of the development of ideas about the future spouse in girls: abstract of a candidacy in psychology dissertation]. Stavropol; 2005. 23 p. (In Russian)

17. Leonard L.S. *Emotsionalnaya zhenskaya travma: itselenie detskoy travmy poluchennoy docheryu v otnosheniyah s ottsom* [Female's emotional trauma: healing a daughter's trauma received in a relationship with her father]. Translated from English by V. Miravci. Moscow: Klass press; 2009. 214 p. (In Russian)

18. Schaller George *Poterya I obretnie ottsa*. [Losing and finding a father]. Translated from English. St.Petersburg: Mirt press; 1998. 216 p. (In Russian)

19. Hellinger B. *Dolgiy put. Besedy o sudbe, primirenii I schaste* [A Long way. Conversations about fate, reconciliation, and happiness]. Translated by D. Kolmac. Moscow: Institute of consulting and system solutions publ.; 2009. 360 p. (In Russian)

20. Kalina I.A. *Ottsovstvo kak psihologicheskii fenomen. Obzor sovremennoy zarubezhnoy literatury* [Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature] *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology]; 2019;8(4):49-56. (In Russian)

Ганиева Р.Х.
**Мультикультурный подход в психологическом консультировании:
этнорелигиозный аспект (разбор случая)**

21. Khasbulatova Z.I. *Vospitanie detey u chechentsev: obychai I traditsii (19-nachalo 20 veka)* [Raising children among Chechens: customs and traditions (XIX – early XX centuries)]. Moscow: Akademiya press; 2007. 389 p. (In Russian)

22. Yandiev M.A. *Drevnie obshchestvenno-politicheskie instituty narodov Kavkaza*. [Ancient socio-political institutions of the peoples of the Caucasus]. Moscow: LKI Publishing House press; 2008. 496 p. (In Russian)

23. Kharsiev B.M.-G. *Obychai semi I semeynovo byta gortsev Kavkaza s kontsa 19 do serediny 20 veka*. [Customs of the family and family life of the Caucasus highlanders from the end of the XIX to the middle of the XX century (monograph)]. Magas: Pilgrim LLC press; 2015. 140 p. (In Russian)

24. *Svyashchenny Koran. Smyslovoy perevod s kommentariyami* [Sacred Quran. Semantic translation with commentaries]. In: edited by D. Mukhetdinov. Moscow: Publishing house “Medina” press; 2015. 1888 p. (In Russian)

25. Badri M. *Teoriya i praktika islamskoy psihologii* [Theory and practice of Islamic psychology]. Edited by O.S. Pavlova, V.S. Polosin. Moscow: al-Wasatiya-moderation publ.; 2018. 268 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ганиева Роза Хаматхановна, кандидат психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева, директор Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Магас, Российская Федерация.

About the author

Rosa H. Ganieva, Cand. Sci. (Psychology), Full Professor, Honored worker of science of the Republic of Ingushetia, a senior researcher at the Department of Ethnology the Ingush scientific research Institute of Humanitarian Sciences after Chakh Ahriev, Director of the Center for Psychological Assistance and Psychological Post-crisis rehabilitation, Member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Magas, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конflikте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфлик-
та интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict
of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 октября 2019

Одобрена рецензентами: 14 ноября 2019

Принята к публикации: 10 февраля 2020

Article info

Received: October 13, 2019

Reviewed: November 14, 2019

Accepted: February 10, 2020